

Только они подошли к кровати, как Бай Юэцзэ вдруг остановился и, без предупреждения, опустился на одно колено. Инцюань, испугавшись, чуть не бросился за помощью, но Бай Юэцзэ незаметно остановил его.

— Юэцзэ! — Циянь Хаои, забыв о своём спектакле, тут же присел, чтобы поддержать Бай Юэцзэ и стал проверять его пульс.

— Не притворяешься больше? — Бай Юэцзэ, полусидя на циновке, косо посмотрел на Циянь Хаои.

— Я... — Циянь Хаои замер. В беспокойстве он совсем забыл о маскировке.

Бай Юэцзэ покачал головой и поднялся, чтобы уйти. Циянь Хаои, увидев это, тут же опустился на колени и схватил его за край одежды.

— Князю Цинь нравится эта одежда? — Бай Юэцзэ всё ещё не смотрел на него. — Если нравится, я могу снять её и подарить тебе.

Юэцзэ собирается раздеться? Циянь Хаои невольно взглянул на его бледную шею и на мгновение отвлёкся.

Бай Юэцзэ усмехнулся и, воспользовавшись моментом, вырвал край одежды из рук Циянь Хаои. Он подошёл к шкафу, открыл его и выбрал несколько бутылочек с лекарствами, оставленными Стариком Судьбой. Бай Юэцзэ тщательно отбирал, выбирая пилюли для укрепления энергии, и, повернувшись, запихнул их все в рот Циянь Хаои, не заботясь о том, нарушает ли это законы Небесного Императора. В конце концов, эти пилюли дал Старик Судьба, и если кто-то будет наказан, то это не он. Бай Юэцзэ был спокоен, а бессмертные из Палаты Судеб Семи Звёзд даже не подозревали, что их обманул второй принц клана лис.

Пилюли, как бы то ни было, оставались лекарствами. Их вкус был не отвратительным, но и не приятным. Циянь Хаои, подавившись, не посмел даже попросить воды, лишь покорно проглотил всё. Инцюань, наблюдая за этим, едва сдерживал смех.

После того как Бай Юэцзэ накормил Циянь Хаои пилюлями, он снова опустился на колени, чтобы проверить его пульс. Убедившись, что пульс ровный, а кровь успокоилась, он наконец расслабился. Однако, как только он расслабился, сразу почувствовал сильную усталость, перед глазами потемнело, а внутренний эликсир в животе начал ныть. Его рука, лежавшая на запястье Циянь Хаои, незаметно сжалась.

Циянь Хаои, увидев, что лицо Бай Юэцзэ побледнело, а затем тот опустился на колени рядом, испугался. Он обнял его и стал проверять дыхание.

— Господин! — Инцюань тоже запаниковал, подполз к Бай Юэцзэ.

Циянь Хаои винил себя. Бай Юэцзэ сейчас должен был лежать в постели и отдыхать, но из-за всей этой ночной суеты он не выдержал.

— Иньбао, позови императорского лекаря Се! — Циянь Хаои, передавая истинную ци в даньтянь Бай Юэцзэ, срочно приказал Инцюаню.

— Не надо... — Бай Юэцзэ, опираясь на Циянь Хаои, одной рукой поддерживал голову, глаза всё ещё были закрыты. — Уже поздно, не беспокойте лекаря... Иньбао, дай мне одну из пилюль, оставленных старшим братом...

Инцюань, услышав это, наконец сообразил и полез в шкаф за пилюлями, укрепляющими кровь, оставленными Бай Цичжао.

Инцюань передал флакон Циянь Хаои, тот вынул одну пилюлю и осторожно дал её Бай Юэцзэ. Через некоторое время Бай Юэцзэ почувствовал, как по его телу разливается тепло, медленно обходя малый круг циркуляции, и боль в животе немного утихла.

Лицо Бай Юэцзэ постепенно вернуло цвет, и Циянь Хаои с облегчением вздохнул. Он медленно придвинулся ближе, укрыв их обоих одеялом. Увидев, что Бай Юэцзэ не отталкивает его, он незаметно передал ему истинную ци, чтобы согреть.

— Ты два дня стоял на коленях, разве не устал? Сбереги истинную ци, тебе нужно лечить внутренние раны... — Бай Юэцзэ всё ещё был слаб, но уже пришёл в себя.

Бай Юэцзэ заметил, что Инцюань всё ещё стоит рядом, не решаясь уйти, и выглядит довольно жалко. Он сказал ему:

— Чего стоишь? Спроси у Цзиньбао и Тунцяня, готов ли бульон. Если готов, принеси несколько лепёшек. Кто-то два дня голодал...

Инцюань, услышав это, словно получил помилование, бросился к двери.

Через некоторое время Цзиньбао, Иньбао и Тунцянь принесли стол с миской горячего бульона, тарелкой лепёшек, несколькими закусками, кувшином горячего молока и двумя чашами лекарства. Большая чаша с тёмным содержимым была обычным лекарством Бай Юэцзэ, а меньшая, светлее, — лекарством для лечения внутренних ран Циянь Хаои, прописанным врачом.

Циянь Хаои, держа Бай Юэцзэ и укрывшись одеялом, удобно устроился на циновке у кровати.

В комнате был подогрев пола и горел уголь, так что на циновке было даже теплее, чем на кровати. Бай Юэцзэ, всё ещё чувствуя слабость, не стал спорить и позволил себя обнять. Циянь Хаои, увидев это, жестом велел троице поставить стол на циновку. Они, всё поняв, тихо удалились.

После того как Цзиньбао, Иньбао и Тунцянь ушли, вдалеке прозвучал четвёртый удар барабана.

Бай Юэцзэ, опираясь на плечо Циянь Хаои, казалось, дремал.

— Если устал, просто спи. На циновке тепло, не замёрзнешь. — Циянь Хаои, укрыв их обоих одеялом, тихо сказал.

— Ты тоже собираешься спать на циновке? — Бай Юэцзэ, не открывая глаз, медленно спросил.

— Это... если тебе не нравится, я поем лепёшек и бульона и вернусь в кабинет... — Циянь Хаои сразу потерял настроение.

Бай Юэцзэ не ответил, лишь медленно поднял большую чашу с лекарством и стал пить, словно наслаждаясь чаем.

Циянь Хаои, голодный после двух дней без еды, не смог удержаться и стал жадно есть. В мгновение ока миска бульона и тарелка лепёшек были почти пусты.

— Поел? Не забудь выпить лекарство. — Бай Юэцзэ, всё ещё медленно потягивая своё лекарство, сказал.

Циянь Хаои, естественно, с радостью согласился. Не задумываясь, он поднёс чашу к губам и сделал большой глоток. Но лекарство оказалось горьким и кислым, с неприятным привкусом. Циянь Хаои, хоть и был не раз ранен, но редко пил китайские лекарства. С трудом проглотив, он никак не мог допить оставшееся.

Циянь Хаои, держа чашу, посмотрел на Бай Юэцзэ, который спокойно продолжал пить.

— ...Юэцзэ, твоё лекарство не горькое? — Циянь Хаои удивился.

— Не горькое, почему должно быть горьким? — Бай Юэцзэ спокойно пил, не меняя выражения лица.

— ...Если горько, здесь есть закуски, можешь перекусить, пей медленно... — Циянь Хаои явно не верил.

— Китайских рецептов тысячи, есть горькие, есть и не горькие. Моё лекарство отличается от твоего, в него добавлен цветочный мёд, оно не только не горькое, но и имеет аромат цветов и лекарств, очень вкусное, — Бай Юэцзэ сделал паузу, затем спросил:

— Хочешь попробовать?

Циянь Хаои замер, не успев опомниться, как Бай Юэцзэ поднёс свою чашу к его губам и наклонился ближе. Сердце Циянь Хаои забило быстрее, кровь прилила к лицу, и он, не раздумывая, сделал глоток из чаши Бай Юэцзэ...

Горько! Только горько! В десять раз горче, чем его собственное лекарство! Циянь Хаои чуть не выплюнул только что съеденные бульон и лепёшки. Несколько глотков холодного чая не смогли смыть горечь с языка, он даже начал сомневаться, остался ли его язык его собственным. Это было не лекарство, а настоящий яд! Если продолжать пить это, то можно умереть от горечи, не дождавшись выздоровления!

Бай Юэцзэ, наблюдая, как Циянь Хаои вскакивает и ищет чай, чуть не покатылся со смеху.

Циянь Хаои, выпив холодный чай и съев несколько кусочков молочной закуски, наконец пришёл в себя.

<http://bllate.org/book/17679/1648100>